

ПРАКТИЧНІ ПРОБЛЕМИ
МОВОЗНАВЧІ СТУДІЇ

Светлана ЛЕЩАК

© 2002

К ПРОБЛЕМЕ
СТРУКТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ
ЯЗЫКОВЫХ КЛИШЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

Проблема разграничения лексикализованных устойчивых необразных словосочетаний (далее – *языковых клише*) и фразеологизмов в современном языкознании до сих пор остается открытой. Мы уже рассматривали данную проблему в нескольких статьях¹. В данной работе мы сосредоточимся на структурно-генетическом аспекте функционирования данных единиц и попытаемся ответить на вопрос, насколько релевантна структура словосочетания и ее происхождение для выделения клише в качестве самостоятельных языковых единиц.

При исследовании данной проблемы следует однозначно определиться в методологическом плане. Мы (вслед за О. Лещаком²) отстаиваем функционально-прагматические методологические установки. Согласно этому взгляду каждый лингвистический объект рассматривается не как отдельно существующий реальный или психический феномен, а исключительно как функция, т.е. прагматически ориентированное отношение [вспомним сосюрвовское положение о том, что в языке «необходимо наличие соответствия, но ни в коей мере субстанции или диву двух субстанций» (Сосюр, 1990:129) и что «Любой языковой факт представляет собой отношение; в нем нет ничего, кроме отношения» (Там же, 197)]. Под таким углом мы и будем рассматривать все попадающие в поле нашего зрения объекты – слова, слово-

¹ Между словом и фразеологизмом: к проблеме квалификации аналитических языковых знаков в описательном и функционально-прагматическом языкознании // *Kieleckie Studia Rusycystyczne*, Kielce 2001 (в печати) [поставлена проблема объекта исследования на фоне фразеологического фонда, произведен анализ современных концепций и определена оптимальная методология исследования], Лексические модели и языковые клише: функционально-прагматический взгляд на проблему // *Literatury i języki wschodniosłowiańskie z perspektywy końca XX wieku*, Zielona Góra 2001 (в соавторстве с О. Лещаком – в печати) [рассмотрен статус клише и лексических моделей, произведен концептуально-терминологический анализ объекта исследования, предпринята попытка предварительной ономастиологической и стилистической типологизации устойчивых необразных сочетаний] и Речевые девиации, связанные с использованием польскими студентами русских языковых клише и лексических моделей // *Материалы XVI Оломоуцких дней русистов*, Olomouc 2001 (в печати) [рассмотрен вопрос изучения клише в процессе преподавания РКИ в Польше на фоне лексикографической проблемы подачи их в переводных словарях].

² См. О.Лешак Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики, Тернополь, 1996, его же *Metodologia – Epistemologia – Ontologia. Lingwistyczne rozważania o pragmatyzmie funkcjonalnym* // *Rozważania metodologiczne. Język – Literatura – Teatr*, Warszawa 2000, s.75-102. и К проблеме понятия функции в функционально-прагматической методологии. // *Rozważania metodologiczne. Język – Literatura – Teatr*, Warszawa 2000, s. 243-254.

формы, словосочетания, клише и фразеологизмы – как специфические языковые (виртуальные) или речевые (актуальные) семиотические функции. К языковым мы относим такие инвариантные знаки, выполняющие лексическую номинативную функцию, как слово, фразеологизм и клише¹. К речевым – полупредикативным – относим представляющие их в актуальной коммуникации словоформы и словосочетания.

Концепция асимметрии знака С. Карцевского подводит нас к мысли о том, что определение знака как двусторонней сущности не может одновременно зависеть от характера его формы и содержания, поскольку между ними нет строгой зависимости. Следует решить: либо в качестве определяющего фактора мы принимаем форму знака («знак – форма, наделенная смыслом или смыслами»), либо содержание («знак – смысл, проявляющийся неким формальным образом»). Первый подход характерен для семасиологической, формальной и описательной лингвистики, второй – для лингвистики ономазиологической, менталистской и объяснительной. Для функционального прагматизма приемлем только второй способ рассуждения. Функция – это прежде всего информация, смысл, значимость, релевантность или ценность («valeur»)². Отсюда убеждение, что будучи семиотическими сущностями, все вышеуказанные единицы представляют собой прежде всего *номинаты* (назывные функции), а уже потом некие формальные структуры. Поэтому в качестве рабочей гипотезы мы предлагаем установить такую иерархию типологических черт, при которой *номинативная* (или ономазиологическая) *роль единицы оказывается более значимой, чем ее внешняя или внутренняя структура*. Мы полагаем, что языковые клише отличаются от фразеологизмов не столько характером своей структуры, сколько ономазиологической функцией: *клише выполняют роль прямых номинатов* (первичных или повторных), *тогда как фразеологизмы* содержат в своей семантической структуре образную двойственность и поэтому *являются вторичными наименованиями*. Именно ономазиологический аспект в иерархии квалификационных (типологических) признаков лексических знаков мы будем считать основным.

Вернемся к главной теме данной статьи – структурно-генетическому аспекту функционирования языковых клише. В традиционной фразеологии именно этот аспект выделяется в качестве основополагающего (достаточно вспомнить ставшие уже классическими классификации фразеологизмов по степени семантической слитности В. В. Виноградова и Н. М. Шанского). Многие исследователи фразеологизмов и других полудиоматических и неидиоматических устойчивых сочетаний придерживаются мнения, что этот аспект является главенствующим в типологической квалификации этих единиц. Следовательно, мы не можем обойти вопрос деривативно-семантической структуры клише в сопоставлении с соответствующими структурами свободных словосочетаний и фразеологизмов.

Генезис (деривация) клише, по нашему мнению, может носить *непосредственный* (функциональный) и *опосредованный* (структурный) характер. Различие между ними состоит в том, идет ли речь непосредственно о процессе образования данного клише (объяснительный, процессуально-ономазиологический аспект) или же о взаимных отношениях структурных составляющих данного клише (описательный, результативно-семасиологический аспект). Первый аспект, вслед за И. С. Торопцевым³ (и несколько переформулируя его термины «словопроизводственный» и «словообразовательный»), мы могли бы называть фразопроизводственным, а второй – фразообразовательным.

С фразопроизводственной точки зрения клише чаще всего образуются путем закрепления в памяти многократно используемых в речи свободных словосочетаний: «крупный рогатый скот», «молодой специалист», «активно содействовать», «благодарный слушатель» и под. Обычно клишируются не отдельные словосочетания, а целые их группы,

¹ Клишированные предложения и тексты выполняют полупредикативную функцию в пределах лексической системы языка.

² Как известно, форма выражения знака может быть и нулевой в фонетическом или графическом отношении, в то время как нулевой значимости быть не может.

³ См. Торопцев И.С. *Словопроизводственная модель*. – Воронеж, 1980.

объединенные определенной лексической моделью сочетаемости слов: «информационное агентство», «телеграфное агентство», «транспортное агентство», «туристическое агентство» или «устраивать бойкот», «устраивать оваацию», «устраивать переполох», «устраивать прием». Однако сами по себе лексические модели еще не гарантируют того, что новообразованное словосочетание обязательно превратится в клише. Так, объединенные лексической моделью словосочетания «ритуальные услуги», «коммунальные услуги» или «транспортные услуги» клишировались, а словосочетания «консультационные услуги», «маркетинговые услуги», «торговые услуги» и др., образованные по той же модели пока остаются свободными. И все же, клише, связанные с лексической моделью, образуют в сознании носителя языка определенные парадигматические группы. Но это уже фразеологический, описательный аспект их деривации, неразрывно связанный с понятием *внутренней формы* того или иного языкового клише.

Клише могут образовываться не только от свободных, но и от устойчивых словосочетаний, например, от других русских клише (чаще всего, многокомпонентных) путем их формальной редукции («Советский Союз» < «Союз Советских Социалистических Республик», «наибольшее благоприятствование» < «режим наибольшего благоприятствования», «бросать на произвол» < «бросать на произвол судьбы») или же от иноязычных клише путем их перевода-калькирования («часы пик» < «peak hours», «сего года» < «*anni currentis*», «хороший тон» < «*bon ton*», «холодная война» < «*the cold war*»). Такие клише обычно (но не обязательно) являются единичными, разовыми и не связаны с какими-то определенными лексическими моделями. Иногда клише могут образовываться и от фразеологизмов со стершейся образностью («влечь за собой», «вносить вклад», «наболевший вопрос», «впадать в отчаяние»). И в этом случае клише могут оставаться единичными, но чаще именно стирание образности компонентов ведет к образованию нового самостоятельного слова и, как следствие, – к образованию целого ряда словосочетаний-аналогов (сначала по конкретному образцу, а затем по выработавшейся лексической модели). Так, например, первоначально метонимическое «впадать» (= ложиться и переходить в физиологическое состояние) во «впадать в спячку» метафоризируется и образует целый ряд словосочетаний, ставших впоследствии клише: «впадать в истерику», «впадать в отчаяние», «впадать в тоску», «впадать в ярость» и под., в которых полностью стирается всякая образность: и первоначальная метонимическая («падающая»), и последующая метафорическая («как будто погружаясь»).

Таким образом, с деривативной точки зрения все клише можно разделить на *модельные* (образованные по лексическим моделям) и *единичные* (окаzionaliальные). В функционально-генетическом плане *типологическим признаком клише мы будем считать их модельность* в отличие от единичности фразеологизмов. Клише отличаются от фразеологизмов именно тем, что наряду с большинством производных слов это серийные, массовые единицы лексики. Фразеологизмы же в этом плане скорее напоминают деривативизированные непроизводные слова с опрощениями, диффузиями и переразложениями (фразеологические сращения) или образные слова, сохраняющие в своей семантике двойственность категориальной отнесенности (фразеологические единства и некоторые фразеологические сочетания)¹.

Можно ли в таком случае считать, что модельность – это тот признак, который присущ всем клише без исключения и который отсутствует у всех без исключения фразеологизмов? Анализ материала показал, что это не так. Есть множество фразеологизмов, несущих на себе явный след лексической модельности: «до последнего вздоха» / «до последнего дыхания» // «до последней капли крови» или «голова садовая» // «голова еловая» // «дубовая голова» // «мякинная голова». Вместе с тем, есть совершенно единичные устойчивые словосочетания, которые, тем не менее, не признаются фразеологизмами: «божья коровка», «волчья пасть», «заячья губа», «птичий базар» и под. Почему же мы считаем

¹ Показательно, что А. А. Реформатский все такие единицы, без их разделения на слова и фразеологизмы, называет идиомами (См. Реформатский, 1967: 124).

первые фразеологизмами, а вторые – клише? Значит ли это, что критерий модельности/единичности должен быть отброшен?

Здесь следует вернуться к уже упоминавшейся нами выше иерархии типологических признаков и допустить подчиненность генетического (деривативного) признака номинативному: если сочетание первичное или повторное, оно – клише, даже если оно единичное («бабье лето», «летучая мышь», «морская свинка», «солнечный ветер», «потребительская корзина»), но если оно выполняет функцию вторичного (образно-переносного) номината, оно – фразеологизм, даже если оно модельное («дурья башка», «пустая башка», «дубовая башка» или «выкинуть за борт», «выкинуть на улицу», «выкинуть за ворота»). Модельность фразеологизма ставит его в типологии фразеологизмов ближе к клише, но сама по себе не является достаточным основанием для выведения единицы за пределы фразеологии. Единичность клише также сдвигает его в сторону фразеологизмов, но в силу своей вторичности в иерархии эта единичность еще не является достаточным основанием для перехода лексической единицы в разряд фразеологизмов.

Внутренняя форма клише (особенно прозрачная), будучи хотя и вторичным генетическим признаком, тем не менее влияет на восприятие семантики клише и в случаях наличия какой-то семантической вторичности создает у носителя языка впечатление еще не до конца стертой образности: «экспорт революции», «собачья свадьба», «маленький человек» или «прозрачный намек». Если посмотреть на эти устойчивые словосочетания с ономаσιологической точки зрения, то без труда обнаружим их номинативную первичность: нет более прямых номинативных знаков, которыми можно бы было назвать указанные понятия.

Когда мы говорим о структуре клише, то, конечно же отдаем себе отчет в том, что можно и следует вести речь по крайней мере о двух различных типах структуры: синтаксической (грамматико-семантической) и собственно деривативной (лексико-семантической). С точки зрения первой клише мало чем отличаются от свободных словосочетаний (если, конечно, словосочетание трактуется расширительно, т.е. как любое непредикативное сочетание словоформ, а не только как подчинение по принципу согласования, управления или примыкания). Среди языковых клише встречается немало словосочетаний с сочинительной связью: «права и свободы», «спрос и предложение», «орел или решка», «чет и нечет», «Сакко и Ванцетти», «дельфин и русалка», «рано или поздно», «тот или иной», «учет и контроль», «целиком и полностью» и под. или комбинированные «в то время, как», «не иначе, как», «не кто иной, как», «не что иное, как» и др. Более того, отдельный пласт приближенных к клише знаков представляют предложно-именные и глагольно-предложные конструкции (полуклише), вроде «до краев», «на вкус», «по аналогии с», «во главе с» или «выдворять из», «предостерегать от», «реакция на», «руководство по», занимающие промежуточное место между клише и словами¹.

Как видим, с грамматической точки зрения клише не обладают какой-то типологической спецификой. Все, что их объединяет, – это прямой номинативный характер их значений. Этим клише отличаются и от фразеологизмов (обладающих косвенно-номинативным смыслом), и от клишированных предложений (обладающих прямо-предикативным смыслом), и от идиоматических высказываний (обладающих косвенно-предикативным смыслом). Следовательно, нас в гораздо большей степени интересует именно смысловая, но-

¹ С точки зрения метафизической или феноменалистической лингвистики, построенных на дистрибутивных объективистских принципах, немислимо, чтобы в лексической системе один и тот же ее элемент был (целиком или частично) одновременно различными единицами этой системы. Отсюда классификационный подход, стремящийся жестко размежевать слова, фразеологизмы и клише так, как если бы они были реально существующими феноменами или ноуменами, своеобразными «атомами» и «молекулами» лексической системы. Функционально-прагматическая лингвистика, рассматривающая все языковые единицы как ментальные функции, существующие исключительно как психическая информация, позволяет уйти от подобных проблем. Один и тот же лексический знак может быть одновременно словом («сон»), частью предложно-именной конструкции («сквозь сон») и частью клише («говорить сквозь сон»).

минативная структура языковых клише или же, говоря терминами В. Матезиуса, функциональная перспектива их структуры.

Напомним, что Вилем Матезиус, а за ним М. Докулил и другие «пражцы» выдвигали в качестве обязательных элементов любой синтагматической структуры понятия темы (базы) и ремы (форманта). Тема создает смысловое ядро синтагмы, а рема – привносит в это ядро определенную характеристику. Поэтому во всех языковых клише независимо от их грамматической структуры и степени формальной сложности мы будем выделять номинативное **ядро** и **периферию**. Ядро – это ключевое слово (ядерное в подчинительных, основное, тематическое в сочинительных сочетаниях), периферия же – дополнительное (подчиненное или присоединенное, рематическое). Так, в клише «летальный исход», «день открытых дверей», «динамика роста», «пожимать плечами» и «довольно сносно» грамматически ядерные «исход», «день», «динамика», «пожимать» и «сносно» являются одновременно и номинативным ядром. В сочинительных же «ни днем, ни ночью», «добро и зло», «жизнь и смерть», «знания, умения и навыки», «Вера, Надежда, Любовь», «легко и просто», «коротко и ясно» и под. таким ядром является всегда первый компонент. Второй же расширяет и дополняет информацию, представленную ядром. Поэтому с номинативной точки зрения он является периферией. Ядро и периферия номината – это не конкретные элементы, а ролевые функции, поэтому и в подчинительных, и в сочинительных клише роль номинативной периферии могут выполнять как единичные словоформы («летальный», «роста», «зло» или «ночью»), так и целые словосочетания («открытых дверей», «умения и навыки» или «Надежда, Любовь»).

По характеру номинативной внутренней формы интересующие нас единицы можно разделить на две группы: **модельные клише** с прозрачной внутренней формой (равной внутренней форме свободных сочетаний словоформ) и **единичные клише** с затемненной внутренней формой (со стертой или неявной мотивацией). Клише, равные по своей деривативной семантике свободным словосочетаниям, можно назвать **фреквентными** клише, единичные же – **полуфразеологизмами**. Между этими полюсами располагается промежуточный тип: модельные клише с трансформированными составляющими и неявной внутренней формой (**трансформативы**). Трансформированность одного из компонентов таких клише заключается в их семантической производности (переносности значения, в традиционных терминах): «разбивать газон», «твердые знания», «постричь(ся) в монахи», «трудный характер». Строго говоря, данный тип ничем принципиально не отличается от предыдущего, поскольку с функционально-генетической точки зрения в обоих случаях речь идет о модельном соединении форм двух самостоятельных слов (и происхождение этих слов не имеет на этом уровне никакой значимости): нет принципиальной разницы в происхождении клише «твердый сплав», «продажная цена» и клише «твердая цена», поскольку в первом случае соединились формы слов «твердый» (= жесткий, крепкий, прочный) и «сплав», во втором, – формы слов «продажная» (= относящаяся к продаже) и «цена», а в третьем, – формы слов «твердая» (= стабильная, неизменная) и «цена». В последнем случае просто сначала произошло образование трансформационным способом прилагательного «твердый» (= стабильный, неизменный) от прилагательного «твердый» (= жесткий, крепкий, прочный), а уже потом новообразованное прилагательное сочеталось с существительным «цена». Следовательно, во всех случаях имел место идентичный номинативно-деривативный процесс.

Модельные клише представляют собой основную массу этих языковых единиц. Рискнем предположить, что полуфразеологизмы составляют не более 1% от общего количества клише. Остальные 99% – это клише-фреквенты и клише-трансформативы. Установить строгую грань между этими двумя группами не представляется возможным, так как порой крайне сложно указать насколько первично т.н. «прямое» значение и насколько вторично т.н. «переносное» (производное) значение компонентов клише. Во многих случаях слова с производным трансформированным значением стали столь частотными, что «переносность» их значения совершенно не ощущается и не осознается носителями языка. Трудно без специального лингвистического анализа определить прямые

(«первичные») и трансформированные («производные») номинаты в следующих группах клише: «акт агрессии», «половой акт», «террористический акт» – «нормативный акт», «акт о безоговорочной капитуляции», «правовой акт», «акт экспертизы», «юридический акт»; «кассовый аппарат», «самогонный аппарат», «слуховой аппарат», «телефонный аппарат» – «космический аппарат», «летательный аппарат» – «вестибулярный аппарат», «опорно-двигательный аппарат» – «административный аппарат», «аппарат насилия», «государственный аппарат»; «обратный билет», «проездной билет», «входной билет», «лотерейный билет», «счастливый билет» – «казначейский билет», «банковский билет», «кредитный билет» – «экзаменационный билет», «пригласительный билет» – «военный билет», «партийный билет», «профсоюзный билет», «студенческий билет», «членский билет».

Еще один аспект, который следует рассмотреть в связи с анализом номинативной структуры модельных клише, это способ характеристики ядра клише со стороны его периферии.

Анализируя соотношение семантики периферийного и ядерного компонентов в клише «кормовые культуры» – «зерновые культуры»; «газовая сварка» – «дуговая сварка»; «первая смена» – «вторая смена» – «третья смена», видно, что периферия во всех случаях сужает значение ядра, конкретизируя его так, что образованное сочетание соотносится с ядерным словом по видо-родовому принципу. Периферия в этих случаях как бы классифицирует понятие, выражаемое ядром. В случае же, например, клише «претендовать на значительность» – «претендовать на оригинальность», «наносить оскорбление» – «наносить обиду» видим, что периферия не классифицирует интенционал ядра, как в предыдущем случае, а лишь модифицирует его экстенционал в объектно-денотативном плане: «значительность», «оригинальность», «оскорбление» и «обиду» лишь уточняют тип действий «претендовать на» и «наносить». Если же сравнить с двумя предыдущими типами клише «грандиозный скандал», «пикантные подробности», «сердечно приветствовать» – «горячо приветствовать»; «невинная шутка» – «неуместная шутка», то заметно, что в этих случаях периферийный компонент также конкретизирует экстенционал ядра, но уже в атрибутивном или даже коннотативном отношении: «неуместная» или «невинная» лишь коннотативные характеристики «шутки». В клише с сочинительной грамматической связью отношения ядра и периферии строятся обычно на принципе расширения, дополнения ядерной информации даже в тех случаях, когда это не соединительные или присоединительные, а альтернативные отношения. Ср.: «наука и техника», «Адам и Ева» и «один или несколько», «сейчас или никогда». Последним типом рематической функции периферии являются случаи клише-плеоназмов, в которых периферия не прибавляет к ядру ничего нового, присовокупляя к нему явно избыточную информацию: «моргнуть глазом», «трепанация черепа», «сетчатка глаза» или «снежная метель». Таким образом, все модельные клише можно по рематической функции периферии подразделить на четыре подтипа: *денотативные* (классификационные или модифицирующие), *характеризующие* (атрибутивные или коннотативные), *дополняющие* и *плеонастические*.

Второй тип языковых клише с точки зрения их происхождения – полуфразеологизмы – с генетической точки зрения можно разделить на подтипы в зависимости от места и характера семантико-мотивационного сдвига в их номинативной структуре. По месту семантического сдвига, т.е. по тому, в каком из составляющих произошел сдвиг, клише делятся на группу ядерных и периферийных полуфразеологизмов. По характеру этого сдвига они делятся также на две группы: метафорические и метонимические полуфразеологизмы. В итоге мы выделили четыре подтипа: *метафоры ядра* (полные – «куриная слепота», «круглый стол», «точка зрения» и частичные «летучая мышь», «ушная раковина», «грудная клетка», «роза ветров»), *метонимии ядра* (полные – «шведский стол», «верблюжья колючка», «скорая помощь», «железная дорога» и частичные «срывать стоп-кран», «жать руку», «минута молчания», «свободный диплом»), *метафоры периферии* («прозрачные границы», «солнечное сплетение», «кесарево сечение», «гусиная кожа») и *метонимии периферии* («белая горячка», «рассеянный склероз», «чайный гриб», «снеж-

ный человек»). Полуфразеологизмы сходны с типом клише-трансформативов тем, что одно или оба их составляющих претерпели трансформационный перенос, но в отличие от трансформативов их составляющие не являются самостоятельными лексическими единицами и в таком значении встречаются только в данном клише. От фразеологизмов же они отличаются только своей номинативно-семиотической функцией: они являются первичными или повторными номинатами. В этом смысле наиболее близкими к полуфразеологизмам и трансформативам являются фразеологические сочетания-псевдоклише, которые традиционно относят к фразеологическим сочетаниям или же вообще выводят за пределы фразеологии. Формально фразеологизмы-псевдоклише действительно ничем не отличаются от клише: они могут образовываться по моделям, иметь довольно прозрачную внутреннюю форму и состоять из форм самостоятельных слов, но по ономаσιологической функции они – вторичные, образные номинаты: «глушить водку» (= пить спиртные напитки), «зашибать копейку» (= зарабатывать деньги), «гелячий восторг» (= бурный, большой восторг), «яснее ясного» (= очень ясно, понятно), «тьма тьмушая» (= очень сильная темень, темнота), «криком кричать» (= очень сильно кричать).

Перейдем к семасиологическому аспекту деривации клише – фразеобразовательному. Здесь речь должна идти уже не о номинативном процессе порождения клише, отражающемся в их внутренней семантической структуре, а о языковом статусе и характеристике структурных компонентов.

Структурный аспект (аспект семантической связанности структурных компонентов), по нашему мнению, является третьим в иерархии типологических признаков, поскольку носит подчиненный характер по отношению к двум предыдущим аспектам. Характер конкретного лексико-семантического отношения в структуре клише «устанавливать опеку», «устанавливать отношения», «устанавливать рекорд», «устанавливать диагноз» – более частное явление в сравнении с лексической семантикой номинативного процесса в модели «устанавливать (= достигать) + что-л. (результат деятельности)». В этом смысле *деривативный аспект иерархически значимее структурного*.

По внутренней форме все клише можно разделить на *свободные* и *связанные* (полностью или частично). Структурно свободные клише состоят из словоформ самостоятельных слов, встречающихся в этом же значении и в других сочетаниях (прежде всего, в свободных словосочетаниях): «встречное предложение», «сердечно приветствовать», «раз и навсегда» или «истинная правда». Подавляющее большинство модельных клише (фреквентов и трансформативов) являются свободными. Связанные же клише содержат в своей структуре единицы, которые либо вообще не встречаются в речи отдельно от данного клише, либо обладают крайне ограниченной валентностью: «час пик», «вечная мерзлота», «вперить взгляд», «каверзный вопрос». Мы полагаем, что *полная свобода структурных составляющих – основной типологический признак клише*, в то время как структурная связанность сближает клише с фразеологизмами (но, будучи третьей типологической чертой, не является все же решающей для перевода сочетания из разряда клише в разряд фразеологизмов). Аналогично у фразеологизмов: свобода структурных компонентов – еще не достаточный повод, для перехода фразеологизма в клише, если не срабатывают два предыдущих признака. Поэтому мы не можем согласиться с А. И. Молотковым, который на чисто формальном основании однозначно выводит за пределы фразеологии сочетания, вроде «девичья память», «лошадиная доза», «волчий аппетит», «зашибать копейку» или «дурак дураком», «день деньской», «пир пировать», «ходить ходуном», «слыхом не слыхать» или «яснее ясного». Все указанные и им подобные сочетания, хотя и состоят полностью или частично из свободных словоформ, тем не менее служат для вторичной номинации явлений, для которых в русском языке существуют первичные и стилистически нейтральные номинации. Кроме того, все они сохраняют в своей семантической или формальной структуре элемент образной двойственности: первая группа – чисто семантической, когнитивной («девичья = слабая, плохая», «лошадиная = огромная, чрезмерная», «волчий = большой, сильный», «зашибать = зарабатывать»), а вторая – языковой, деривативной (этимологические фигуры с повторением корневого

морфа). Поэтому, как мы уже писали выше, мы будем относить такие сочетания в разряд фразеологизмов-псевдоклише, находящихся на типологической шкале на переходе от фразеологизмов к клише.

Подытоживая все сказанное, считаем возможным утверждать, что ни семантическая структура и тип мотивационных отношений во внутренней форме, ни характер образования словосочетания не являются необходимыми или достаточными основаниями для его квалификации в качестве языкового клише, фразеологизма или свободного словосочетания. Таковым является лишь фактор воспроизводимости и тип семиотического отношения к номинируемому понятию. Однако оба этих фактора могут оказывать влияние на процесс клиширования свободного словосочетания или перехода фразеологизма в клише: номинативная модельность, прозрачность внутренней формы и самостоятельность составляющих – сильные «аргументы» в этих процессах.

ЛИТЕРАТУРА

Реформатский А. А. Введение в языковедение.– Москва, 1967.

Лещак О. В. *Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики*, Тернополь, 1996.

Лещак О. *Metodologia – Epistemologia – Ontologia. Lingwistyczne rozważania o pragmatyzmie funkcjonalnym* // *Rozważania metodologiczne. Język – Literatura – Teatr*, Warszawa 2000, s.75-102.

Лещак О. В. *К проблеме понятия функции в функционально-прагматической методологии.* // *Rozważania metodologiczne. Język – Literatura – Teatr*, Warszawa 2000, s. 243-254.

Соссюр Ф. де Записки по общей лингвистике.– М.: Прогресс, 1990.

Зиновій БИЧКО

© 2002

СІЛЬСЬКОГОСПОДАРСЬКА ЛЕКСИКА У ГОВІРКАХ НАДДНІСТРЯНЩИНИ

Сільськогосподарська лексика в говірках Наддністрянщини – це особлива тематична група слів, де нові лексеми функціонують поруч зі старими і навіть архаїчними відповідно до наявності нових та старих реалій і понять. Її вивченню багато уваги приділили Я.Вакалюк, Г.Козачук, М.Никончук, О.Пазяк, О.Терновська, З.Штібер, а також інші діалектологи.

Для основних сільськогосподарських знарядь у досліджуваних говірках побутують переважно спільнослов'янські загальноновживані назви: *плуг, борона, граблі, вила, коса, ціп, молоток* та ін., які вживаються у мові людей усіх поколінь і різних професій. Усі проаналізовані лексеми здебільшого не характеризуються якоюсь чіткою ареалогічною характеристикою, а послідовно покривають усю територію досліджуваного діалекту.

Характерною ознакою для назв сільськогосподарських знарядь у наддністрянських говірках є, як і в інших тематичних групах, значна кількість паралелізмів (лексико-семантичних, морфологічних, фонетичних): *л'ем'иш, н'іж, чирис'ло, за'л'ізо* – ‘леміш’; *ш'тоба, стоу'ба* – ‘частина плуга, що сполучає гряділь із полицею та чепігами’; *руч'ки, чи'пиги* – ‘ручки плуга’; *п'ланка, попе'речка* – ‘частина плуга, яка сполучає між собою чепіги’; *к'урец, ш'лапа, б'л'аха, по'лиц'а* – ‘п'ята плуга’; *кол'іс'н'ета, кол'іс'ниц'и, тил'иш'ки* – ‘колеса плуга’; *ва'лок, пок'л'іти* – ‘поздовжній брусок дерев'яної борони, в якому закріплені зуби’; *п'ланка, г'лиц'е* – ‘одна з двох поперечних планок у бороні, що